

ЧТОБЫ ЛУЧШЕ УЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА...**КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ КОНТАКТЫ РУССКОГО
И КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)**

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА,
кандидат филологических наук

Военно-политическое присутствие России на тихоокеанском побережье побуждало к экономическому освоению этих земель, однако собственными силами выполнить столь сложную задачу в короткие сроки россиянам было невозможно. Главным поставщиком рабочей силы, которая удовлетворяла бы потребности развивавшегося края, стала территория сопредельного Китая. Таким образом, резкое увеличение численности китайского населения в Приамурье и особенно в Приморье во второй половине XIX в. было связано с активным заселением юга Дальнего Востока русскими людьми. По подсчетам В.М. Кабузана, в 1858 г. общее число жителей региона достигало 23694 чел., в том числе 6349 чел. российских подданных (включая часть аборигенного населения), 9195 чел. — независимого коренного населения и 8100 чел. — китайских подданных. Последние были сравнительно многочисленны только в Амурской области, тогда как в Приморской их удельный вес был невелик — примерно 3000 чел., т. е. чуть больше 19 % (10. С. 55). Однако нельзя воспринимать эти цифры как абсолютные; существовали определенные трудности в сборе официальных данных, поскольку в крае постоянно находились уклонявшиеся от регистрации «бродячие» китайцы. В.В. Граве полагал, что только в Приморской области в 1860 г. их было от двух до трех тысяч (7. С. 5). После укрепления позиций России в Приамурье китайское население на этой территории подразделялось на две категории: подданные Китая, которые проживали здесь до заключения Айгунского и Пекинского договоров и сохранили право остаться на прежнем месте, и большинство из них к зиме уходило на родину, но некоторые оставались на 2—3 года. Как видим, вторую группу составляли временные жители.

Особенно заметным увеличение численности китайского населения стало после 1870 г. (14. С. 38). Если первоначально основную массу отходников составляли промысловики, то впоследствии выходцы из Китая стали расширять земледельческую активность, а также предлагать свои услуги горожанам. Так, во Владивостоке переписью 1897 г. было зарегистрировано 28993 жителя: до 10000 составляли военные, а среди иностранных подданных около 12500 чел. приходилось на иммигрантов из азиатских стран, главным образом из Китая (Владивосток. 11 июля 1899). Для сравнения укажем, что согласно той же переписи в целом по России проживали около 57 тыс. китайцев. Их

число постоянно росло. Большой наплыв китайских рабочих в Приморскую область наблюдался весной 1909 г. (Дальний Восток. 1909. 1 мая). В 1910 г. их насчитывалось уже 61429, в том числе 28591 — во Владивостоке (14. С. 38).

Однако официальные сведения по-прежнему значительно отличались от реальной картины. Подтверждение тому находим в статистике въезда—выезда китайских подданных. Контроль за мигрантами показывал постоянное преобладание выезда над въездом. Например, по данным Владивостокского порта, за 1911 г. прибыли из-за границы 6208 китайцев, а выехали 15356. (Дальний Восток. 19 января 1912). Всего же в 1911 г. в область прибыли 12322 китайца, выбыли 21319 (Приамурские ведомости. 31 марта 1912). Только в течение первой недели 1912 г. в Приморскую область прибыли 1105, выбыли 1815 китайцев (там же. 5 января), с 13 по 19 января того же года прибыли 727 китайцев, выехали 1353 (там же. 19 января). Подобная ситуация могла сложиться из-за того, что многие проникали в край нелегально, а затем уезжали на законном основании. В общей массе «нелегалы» составляли не менее 30 % (11. С. 68). В результате, несмотря на принимавшиеся меры, общее количество китайцев существенно не снижалось.

Надо сказать, что проблема соотношения русского и китайского труда на новых землях возникла уже с первых лет освоения региона. В 1885 г. для упорядочения пребывания китайских подданных на территории российского Дальнего Востока была введена практика выдачи отходникам билетов на жительство (14. С. 71), но количество китайских рабочих, находившихся в крае нелегально, все равно оставалось огромным, ибо в обход действовавшего законодательства дешевый труд «нелегалов» охотно использовали и местные предприниматели, и казаки, и зажиточные крестьяне. Газета «Владивосток» констатировала: «В крае наблюдается недостаток русского рабочего населения, в особенности кустарей и ремесленников, и полная зависимость от китайцев в этом отношении. Однако ситуацию в короткие сроки изменить нельзя, и «желтый труд» долго еще будет играть важную роль в жизни Приамурского края» (19 ноября 1887). В ряде случаев обращение к китайцам было обусловлено не только стремлением заполучить дешевую рабочую силу, но также тем, что трудолюбивые представители азиатской расы обеспечивали более высокое качество работы.

Д.И. Шрейдер, в конце 1890-х годов исследовавший условия жизни в Уссурийском крае, беседовал со многими хозяевами, которые «будучи принципиальными противниками... манзовского элемента», тем не менее использовали труд китайских отходников: «Манза сработает за день 40 или даже 50 % того, что сделает русский, но зато он отличается тремя неоцененными достоинствами, которые заставляют забывать об этом коренном недостатке его: манза трезв, не знает праздников, следовательно, работает изо дня в день, и, наконец, покорен и нетребователен» (17. С. 58). Кроме того, все хозяева подчеркивали аккуратность и тщательность труда китайцев. Д. И. Шрейдер лично наблюдал за работой русских и китайских каменотесов, готовивших камень для облицовки строящегося моста. К сожалению, сравнение оказалось не в пользу наших соотечественников: «Огромная разница в приемах работы и в самом характере ее бросилась мне в глаза уже при первом взгляде на тех и других. Там — рослый, коренастый, мускулистый народ. Здесь — тщедушные, сухопарые, тощие, узкогрудые подобия мужчин с косами, туго скрученными на затылке. Там — сильные, могучие, ловкие, уверенные и свободные взмахи молотом... Здесь — как будто робкие, неуверенные, медленные, слабые удары... Они работали словно нехотя, но зато облицовка вышла, по выражению десятника, «божественная»... Там, у их соседей, наоборот...» (там же. С. 59).

Сходная картина наблюдалась и в земледелии. Неудачи русских новоселов объяснялись незнанием местных условий. В первые годы урожай нередко поразался заболеванием, которое приводило к появлению так называемого

«пьяного хлеба». Причины этого были установлены достаточно быстро. Участники XIII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге согласились с мнением почетного председателя ботанической секции М.С. Воронина, что изменения свойств злаков вызываются микроорганизмами, которые развиваются при излишке влаги. Земледельцам был рекомендован способ сушки хлеба, практикуемый в Китае (Владивосток. 29 апреля 1887). С той же целью новоселам предлагали перейти на грядовой посев, при котором вода стекала по бороздкам, не задерживаясь в почве. Однако, несмотря на очевидные достоинства этого способа, крестьяне на него не переходили «только по привычке и инертности», как считал П.Ф. Унтербергер (16. С. 135). Здесь следует заметить, что консервативность переселенцев можно понять, если исходить из естественного для человека стремления сохранить внутреннюю связь с покинутой родиной. С помощью технологий и методов хозяйствования, освященных авторитетом предков, крестьяне на новом месте пытались воссоздать привычную среду обитания, хотя апелляция к традициям нередко вступала в противоречие с практической целесообразностью. «И много мук и тревог приходится претерпеть новоселу, — отмечал Д.И. Шрейдер, — пока он приспособится к новым условиям жизни, отстанет от веками сложившихся на родине привычек и взглядов, пока он научится подчинять свои желания новым требованиям, изменит свои обычаи и позаимствует новые» (17. С. 391).

Даже быстро перенимавшие полезные хозяйственные навыки старообрядцы, хотя и высоко оценивали земледельческие технологии китайцев, но не внедряли их в своей деятельности. По справедливому замечанию Ю.В. Аргудяевой, довольно сильна была традиция; наряду с этим многопрофильность хозяйства староверов (хлебопашество, охота, рыболовство, собирательство, пчеловодство) не позволяла им уделять земле все рабочее время, как это делали китайцы (3. С. 121). Лишь в первых русских деревнях Южно-Уссурийского края — Арзамазовке, Новинке, Пермском, Фудине, расположенных в стороне от крупных торговых центров, грядовой посев перенимался сознательно (там же). Большинство же новоселов отказывались заимствовать опыт своих трудолюбивых соседей, но нашли выход в сдаче им своих земель в аренду. Аналогичная картина наблюдалась и в частных хозяйствах русских предпринимателей, и в казачьих станицах.

Казаки оказались первыми представителями русского населения, которые пришли в соприкосновение с жителями сопредельных стран. Приграничные контакты носили не только служебный, но и бытовой характер. Подданным обоих государств разрешалась беспошлинная меновая торговля на расстоянии 50 верст по обе стороны границы. Казаки получали табак, чай, просо. Китайцы же охотно приобретали сукно и другие ткани, серебро в монетах и изделиях, меха и прочие продукты охотничьего промысла. Имеются свидетельства старожилов, что многие уссурийские казаки понимали китайский язык. Нередко деловые отношения перерастали в дружеские (9. С. 81).

Спектр предлагавшихся китайцами услуг постоянно расширялся, что увеличивало круг их общения, в первую очередь делового. Среди китайцев были чернорабочие, торговцы, кустари, строители, огородники, старатели, промысловики. Последние активно занимались рыболовством, добычей трепангов, крабов, моллюсков, сбором морской капусты. Воспитанные на иной пищевой модели русские поселенцы далеко не сразу поняли ценность «даров моря». В частности, моллюски вызывали у них чувство брезгливости: трепанг, например, именовался «морским червем». Известно, что старообрядцы не употребляли в пищу крабов. Однако постепенно среди крестьян, проживавших на побережье, начало прививаться занятие морским промыслом. Рыболовному надзору по итогам 1913 г. удалось собрать информацию в 33 селениях. Выяснилось, что морским промыслом были заняты 920 местных жителей. Ими было

выловлено кеты и горбуши более 120000 штук, корюшки — 566470 штук, трески — 20000 штук, а также креветок — 1130 пудов и морской капусты 52000 пудов (Приамурские ведомости. 28 июня 1914).

Заготовка и сбыт морепродуктов требовали определенных навыков. Даже один из наиболее удачливых русских предпринимателей Я.Л. Семенов вначале терпел убытки. И только заручившись поддержкой китайских компаньонов, он сумел «извлечь выгоды из таких естественных богатств края, которых никто ни раньше, ни позже не добывал так удачно» (12. С. 19—20). Среди прочего Я.Л. Семенов торговал морской капустой. Спрос на нее был, главным образом, как на лекарственное сырье — для получения йода. Освоение новых видов деятельности давало переселенцам возможность дополнительного заработка. В числе первых сбор морской капусты и получение рыбьего жира освоили старообрядцы (2. С. 107). Компании по вылову морской капусты организовывались и в других крестьянских селениях (Дальний Восток. 9 марта 1915).

Наряду с положительным вкладом китайских отходников в развитие Дальневосточного края, имелись и негативные моменты, связанные прежде всего с деятельностью нелегалов-промысловиков и торговцев. Они монополизировали добычу и скупку женьшеня, пантов, пушнины; для нужд восточной медицины в больших количествах добывали медвежью желчь и «струю» (мускусная железа) кабарги, хищнически истребляя животных. Те же хищнические методы применялись китайцами при добыче морепродуктов: крабов, креветок, трепангов, морской капусты. Все это отправлялось китайцами на их родину, где сбывалось по высокой цене.

Большой вред сельскому хозяйству края наносило увеличение площадей, занятых посевами опиумного мака. Со времени запрещения в Китае производства и потребления опия заметно выросла площадь маковых плантаций на землях, арендовавшихся у переселенцев — крестьян и казаков. Высокая стоимость опия в Китае давала возможность его производителям платить до 200—300 руб. за десятину («неслыханные цены», как писала газета). Культура «снотворного» мака сильно истощала почву. Кроме того, маковые плантации наносили вред пчеловодству: пчелы отравлялись и гибли (Приамурские Ведомости. 7 июля 1915). Неизбежны были потери в нравственной сфере: растлевающее влияние «легких» криминальных денег и опасность широкого распространения опикурения, в том числе среди русского населения. Данная проблема нашла отражение в российском законодательстве лишь в мае 1915 г.

Как уже отмечалось, вопрос о «желтой опасности» в Приамурье поднимался неоднократно, но мнения высказывались противоположные. Одни авторы ратовали за принятие «решительных мер» против иммигрантов, другие обосновывали необходимость их присутствия в крае экономической целесообразностью (там же, 1909, 14 марта). Полярность мнений сохранялась и в дальнейшем. Закон об ограничении численности рабочих из азиатских стран приняли в 1910 г., хотя было ясно, что собственными силами проблему освоения региона России не решить. Сторонником использования «желтого труда» в сельском хозяйстве был статский советник А.В. Суханов. Он приводил следующие аргументы: русских работников явно недостаточно, кроме того, они не знакомы с «рядковым посевом», который целесообразно применять в местных условиях. А.В. Суханов даже предлагал временно приостановить действие закона от 10 июля 1910 г. об ограничении применения «желтого труда». (Дальний Восток. 6 марта 1912). Проблема широко обсуждалась в средствах массовой информации, возбуждая общественное мнение и привлекая внимание людей, казалось бы, далеких от политики. В частности, в дневнике Александра Блока от 14 ноября 1911 г. читаем: «Мы, позевывая, говорим о «желтой опасности». И далее: «Позевываем над желтой опасностью, а Китай уже среди нас. Неудержимо и стремительно пурпуровая кровь арийцев становится желтой кровью» (4. С. 80).

Принимаемые местными властями меры позволили к 1912 г. несколько сократить число иностранных рабочих (Дальний Восток. 28 января 1912). По данным «Торгово-промышленной газеты», в Приморской и Амурской областях было зарегистрировано 105 тыс. рабочих, в том числе 57,6 % русских и 42,4 % азиатских. Причем в казенных предприятиях их соотношение имело перевес в сторону отечественных рабочих (73,5 %), тогда как в частных картина была противоположной: 75 % составлял «желтый» труд (там же, 4 апреля). Мелочная торговля, извоз, огородничество оставались в руках выходцев из азиатских стран. Численность китайцев на юге Дальнего Востока вновь резко возросла после 1914 г. и достигла максимума к 1917 г. Особенно заметно увеличилось количество сезонных рабочих: со 100000 в 1912 г. до 600000 в 1916 г. (1. С. 13). Причины ясны: с началом первой мировой войны значительная часть мужского трудоспособного населения региона оказалась призванной в армию.

По мнению известного востоковеда Ф.В. Соловьева, прогрессивная общественность в целом доброжелательно относилась к пришлым китайцам, положительно оценивая их вклад в развитие Дальнего Востока. Известное сочувствие к отходникам основывалось на понимании того, что только крайняя нужда заставляет их отправляться на заработки в чужие края (14. С. 4). Пребывание на территории Приамурья воспринималось отходниками как временное. Стремясь скопить побольше денег для возвращения на родину, они работали без выходных, ограничивали себя в еде и одежде, не имели приличного жилья, довольствуясь местом в тесных бараках или ночуя в собственных лодках («джонках»), в которых выходили на промысел морепродуктов. «На островах между Амуром и Казакевичевской протокой, — писала газета, — приютилось множество китайцев, которые занимаются рыболовством и рубкой дров для казаков. Обилие лодок свидетельствует о том, что это элемент пришлый». (Приамурские ведомости. 14 февраля 1899).

Китайские кварталы в городах представляли собой особый мир. Здесь располагались опиекурильни, дома терпимости, комнаты для азартных игр. По ночам окна освещались китайскими бумажными фонариками. Надо признать, что в планировке таких кварталов существовала своя система, отражавшая местную специфику, включая природные условия. Так, многие дома имели крытые галереи, проходившие по периметру внутреннего двора, который являлся центром жизни обитателей квартала, в том числе криминальной. Галерея защищала от дождя и позволяла быстро попасть в любую часть дома либо двора (такие постройки и по сей день существуют на ул. Семеновской во Владивостоке). Внутренний двор обычно был превращен в китайский базар, со множеством лавок и харчевен, отчего над ним всегда висело облако дыма и смрада. Большинство помещений ночью использовалось как ночлежки. Весь квартал соединялся множеством проходов, позволявших пройти все дома и выйти на другую улицу. Благодаря этому здесь находили убежище отходники-нелегалы, не имевшие определенного местожительства (14. С. 73—74).

Временный характер пребывания китайцев в крае подтверждается и демографическими данными: среди китайского населения края всегда наблюдалось абсолютное преобладание мужчин (10. С. 93—94). Во Владивостоке, где в 1909 г. представители желтой расы составляли более 40 %, было зарегистрировано китайских подданных 29813 мужчин и только 1248 женщин. (Дальний Восток. 14 января 1909). Соотношение полов не изменилось и в дальнейшем: в 1913 г., согласно полицейским данным, население города включало в себя 25257 китайцев мужчин и 1071 женщину-китайку. Приведенные цифры особенно показательны в сравнении с информацией о других иностранных подданных: во Владивостоке в то же время проживало: корейцев — 5141 муж. и 2769 жен., японцев — 1018 муж. и 643 жен. (Приамурские ведомости. 18 июля 1913).

Многие китайки, проживавшие в городах, являлись представительницами «древнейшей профессии», и отношение к ним было соответствующим, из-за чего в трудную минуту они не получали поддержки от своих соотечественников. Так, встречаются свидетельства, что были случаи, когда китайки продавали своих детей, не имея средств для возвращения на родину. (Владивосток. 5 апреля 1898). Подобные факты можно объяснить лишь с позиций морали, поскольку исследователи единодушно подчеркивают, что у китайцев, оказавшихся за пределами своей страны, было очень развито чувство землячества. Они старались жить компактно, выручали и поддерживали друг друга. (14. С. 72). О том же свидетельствуют и рассказы старожилов края. Многие вспоминают, что, возвращаясь на родину, китайцы не просто передавали свою клиентуру землякам, но подробно характеризовали людей, тем самым помогая избежать возможных неприятностей (сообщение М.Г. Покаевой, 1895 г. рожд. Запись автора 1966 г.).

К началу 1915 г. во Владивостоке было всего две каменные фанзы и 371 деревянная (Дальний Восток. 19 марта 1915). Основная часть китайского населения ютилась в тесных бараках. Все наблюдатели отмечали антисанитарное состояние китайских кварталов, которые вызывали постоянное беспокойство местных властей, являясь очагами тяжелых инфекций, таких, как чума, холера, тиф. Китайцы не обращались к русским врачам. В Амурской и Приморской областях нелегально существовало немало лечебниц, где врачевали традиционными для восточной медицины средствами: иглоукальванием, препаратами растительного и животного происхождения. Однако далеко не каждый отходник мог оплатить лечение; не удивительно, что смертность среди них намного превышала нормы естественной убыли (14. С. 83).

Китайцы, занимавшиеся огородничеством вблизи крупных населенных пунктов, куда сбывалась полученная продукция, также были весьма нетребовательными к жилищным условиям: нередко они довольствовались временками, поставленными на участках, которые арендовались у крестьян или казаков. Быт китайцев в таежной местности был более обустроенным. Жилищем им служили традиционные фанзы, представлявшие собой деревянные дома каркасно-столбовой конструкции с двускатной крышей. Такие дома обычно строились без потолка и имели земляной, хорошо утрамбованный пол. По обеим сторонам от входа располагались низкие глиняные печи с вмазанными в них чугунными котлами. Вдоль стен тянулись лежанки (каны), обогреваемые встроенными в них дымоходами печей (14. С. 95—97). Сравнительно высокие доходы отходников-промысловиков базировались на эксплуатации аборигенного населения, но нередко и сами китайцы попадали в кабальную зависимость от своих богатых соотечественников. Крупные китайские торговые фирмы, располагавшиеся во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, держали своих агентов в районах таежного промысла. Их охотничьи угодья распространялись на всю южную и среднюю части Уссурийского края (14. С. 61—69).

Длительное проживание в отрыве от семьи вело к тому, что многие отходники вступали в браки с представительницами коренных народов. В результате к середине XIX в. возникла своеобразная этническая группа метисного происхождения — тазы (русифицированный вариант китайского «дацзы»). До настоящего времени значительная их часть проживает в Ольгинском районе Приморского края. В культуре тазов наблюдается сплав китайских и тунгусских традиций. Основу их хозяйственной деятельности составляет земледелие, язык определяется лингвистами как местный диалект китайского, но промысловая практика во многом опирается на опыт аборигенов края — таежных охотников и рыболовов (15. С. 287—289). По мере увеличения численности китайского населения в городах здесь также стали заключаться смешанные браки, но они не регистрировались и обычно распадались, так как большинство отходников возвращались на родину.

Понятно, что огромная масса активного китайского населения не могла не способствовать экономическому развитию региона, однако их влияние на формирование культурного пространства оставалось минимальным. Аналогичная ситуация складывалась во всех странах, где проживали крупные группы китайских иммигрантов. Исследователи полагают, что подобная привязанность к традициям связана не только с тоской по родине, но и с чувством превосходства по отношению к народам-«варварам», которое сформировалось в значительной степени под влиянием конфуцианства, ставшего национальной этико-философской доктриной. Создание замкнутой, недоступной «чужому» общины являлось неотъемлемым атрибутом адаптации китайцев на новой территории, что затрудняло процесс аккультурации (13. С. 76).

Китайские отходники на русском Дальнем Востоке вплоть до начала XX в. жили, избегая контроля со стороны русской администрации и подчиняясь старшинам, которые назначались цинскими властями. Замкнутость китайской общины позволяла старшинам жестко управлять ее членами. Внутри общины существовало самоуправление, основанное на строгой дисциплине, действовала круговая порука: китайцев, совершивших преступление, никогда не выдавали русским властям, но наказывали собственными силами, несмотря на то, что закон о подсудности отходников русским судам был принят еще в 1883 г. (14. С. 70—73). После запрещения в 1897 г. китайского самоуправления как несовместимого с суверенностью Российского государства цинское правительство стало добиваться создания в местах проживания китайцев обществ и союзов неполитического характера. В соответствии с законом об общественных организациях от 1906 г. была разрешена деятельность коммерческих обществ в различных точках Дальнего Востока. Такие общества возникли в Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Спасске, Имане, Ольге, Сучане, Посъете и других населенных пунктах. Все они подчинялись Главному владивостокскому торговому обществу, основанному еще в 1881 г. Помимо заботы о развитии китайской торговли на Дальнем Востоке оно занималось благотворительностью: материально поддерживало нуждавшихся соотечественников, устраивало приюты для престарелых. Общество также выделяло средства на культурные нужды: открывало школы, библиотеки, которые снабжались книгами и газетами, поступающими из Китая, оказывало поддержку клубам и увеселительным заведениям. Однако наряду с этими видами деятельности, проводившимися легально, торговое общество скрытно продолжало осуществлять гражданское самоуправление и судопроизводство среди китайского населения Дальнего Востока, оставаясь проводником политики Цинского государства. (14. С. 74—77). Документы, подтверждающие эти данные, были обнаружены В.Л. Лариным в архивах КНР (11. С. 67).

Как видим, русские и китайцы жили в состоянии известной автономности. Их отношения носили в основном деловой характер, но далеко не всегда были бесконфликтными. Заметным толчком к обострению взаимоотношений послужили события 1899—1901 г. в Китае, известные как ихэтуаньское, или «боксерское» восстание. В этом ряду важное место заняли осада ихэтуанями Благовещенска (1900 г.) и предпринятая ими попытка прервать пароходное сообщение по Амуру (8. С. 32—35). Объединенными усилиями Германии, Японии, Англии, США, Италии, Франции, Австро-Венгрии и России восстание было подавлено. Русская армия и Уссурийское казачье войско были задействованы в зоне Китайско-Восточной железной дороги и на прилегающих территориях. (8. С. 78, 102—103). Конфликт, получивший название «китайской войны», привел к охлаждению отношений между русским и китайским населением, тогда как ранее, по мнению обозревателя газеты «Дальний Восток», наблюдалось «расположение китайцев к русским» (Дальний Восток. 29 января 1909). В период русско-японской войны 1904 — 1905 гг. также фиксировались враждебные выступления китайцев, проживавших в России. Причем это отмечалось не только профессиональными военными, но и рядовыми обывателями.

Особое место в системе русско-китайских отношений занимало такое явление, как хунхузничество. Хунхузы преступные элементы, которые, скрываясь от цинских властей, находили прибежище в Маньчжурии, где занимались разбоем. Отдельные шайки переходили границу и появлялись в Амурской и Приморской областях. Имелись и местные хунхузы, в число которых входили не только любители легкой наживы, но и разорившиеся неудачники, а также изгнанники сельских общин. Преследование их русскими властями затруднялось тем, что китайцы, даже пострадавшие от хунхузов, не выдавали их, опасаясь еще более жестокой расправы. Кровавопролитные столкновения конца 60-х годов XIX в. получили название «манзовской войны». После закрытия золотых приисков на о-ве Аскольд китайские старатели организовали крупный отряд и по пути в Маньчжурию предприняли ряд нападений на русские селения, не щадили и тех китайцев, которые отказывались следовать за ними. Хунхузский отряд был разбит русскими войсками возле полустанка Дубининский, в районе нынешнего с. Михайловки Приморского края (14. С. 88).

Однако в целом как с русской, так и с китайской стороны наблюдалось понимание необходимости делового сотрудничества. Российские власти осознали зависимость региона от «желтого труда» и стремились построить наиболее продуктивную модель взаимоотношений, которая включала в себя знакомство с языковой и культурной спецификой восточных соседей. Например, решено было открыть специальный класс китайского языка при Владивостокской прогимназии (Приамурские ведомости. 21 августа 1894). Имеются сведения, что чиновники, общавшиеся с китайскими рабочими, старались изучить их язык (Владивосток. 2 июня 1896). Фундаментальные основы китаеведения были заложены на Дальнем Востоке с открытием в 1899 г. Восточного института — центра русской практической науки востоковедения, одновременно призванного выполнять нелегкую просветительскую миссию (5. С. 102). По распоряжению военного министра на Дальнем Востоке при войсковых частях открывались курсы японского и китайского языков для офицеров и нижних чинов (Дальний Восток. 28 января 1909). В коммерческом училище был введен факультативный курс китайского языка (там же, 7 июня).

Интерес россиян и китайцев друг к другу реализовывался и на бытовом уровне. Рассказы старожилов края воспроизводят те моменты, которые наиболее ярко запечатлелись в памяти. Вспоминают, как ходили по дворам водоносы с большими жестяными банками на коромыслах, как торговцы мелочным товаром предлагали свои услуги, обращаясь к русским женщинам «мадама». Из восточных праздников хорошо запомнился китайский Новый год с фейерверками и множеством искусно сделанных воздушных змеев. Последние февральские морозы на юге Дальнего Востока до сих пор называют «китайскими», поскольку по времени они обычно совпадают с наступлением Нового года по лунному календарю. Имеются единичные свидетельства о хождении друг к другу в гости, о совместном праздновании русского православного Рождества и восточного Нового года казаками и их китайскими соседями (9. С. 82). Других праздников не называют, однако в местной прессе можно найти информацию о том, что китайцы ежегодно отмечали «15-е число 8-го месяца». «В этот день большинство из них не работали, на улицах было много представлений и процессий», — писала газета (Владивосток. 15 сентября 1896).

Наблюдатели единодушно отмечали, что китайцы очень любят разнообразные зрелища и развлечения. Почти в каждом крупном населенном пункте русского Дальнего Востока существовали китайские театры, клубы, игорные дома, другие увеселительные заведения. Показательно, что в клубах нередко читались лекции на политические темы, проводились разного рода патриотические кампании. На сценах театров ставились китайские пьесы, а также показывались цирковые номера (14. С. 84).

Интересные бытовые зарисовки находим в материалах профессора Государственного Дальневосточного университета А.П. Георгиевского: «Собравши вокруг себя небольшую толпу, китайцы-фокусники с шутками и прибаутками проделывают различные фокусы... с шариками, которые то исчезают из-под чашек, перевернутых вверх дном, то снова появляются; заставляют проделывать фокусы мышей и свинок; заставляют плясать обезьяну или медведя; перевертываются через голову на обеих руках... нагибаются назад через спину так, чтобы достать зубами брошенную кем-либо на землю монету...» (6. С. 111). Подобные представления обычно привлекали внимание детей и подростков, оставаясь в их памяти как восточные забавы.

Таким образом, культурная жизнь русского и китайского населения региона протекала автономно: каждая в своих границах, с сохранением этнической специфики. На официальном уровне оба государства весьма осторожно подходили к проблеме культурного взаимодействия Запада и Востока, опасаясь резкого столкновения двух миров, двух цивилизаций. Вместе с тем в процессе повседневного бытового общения закладывались основы «народной дипломатии», что помогало представителям разных национальностей лучше узнать и оценить друг друга. Разумный прагматизм был полезен для обеих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение Дальнего Востока: конец XIX в. — 1917 г. М., 1989.
2. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.). М., 1997.
3. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000.
4. Блок А. Дневник. М.: Сов. Россия, 1989.
5. Болотина О.П. Рождение «Светоча знаний Востока»: (К 100-летию Восточного института во Владивостоке — основателя китаеведения на Дальнем Востоке России) // Российское Приморье и Китайская Народная Республика на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы. Владивосток, 1999.
6. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4: Фольклор Приморья. Владивосток, 1929.
7. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912.
8. XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Хабаровск, 1995.
9. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий // Многонациональное Приморье: История и современность. Владивосток, 1999.
10. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640—1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985.
11. Ларин В.Л. Желтый вопрос // Родина. 1999. № 1.
12. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990.
13. Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: Некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000.
14. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. М., 1989.
15. Тураев В.А. Культурная интерференция в малых этнических группах // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: Материалы Междунар. науч. конф. Владивосток, 1997.
16. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856—1898: Очерки. СПб., 1900.
17. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897.

SUMMARY: The article by Candidate of Philological Sciences L.E. Fetisova «To Know Each Other Better...» is about contacts in culture and everyday life of Chinese and Russian population in the Far East of Russia in the second half of the XIX — early XX century. The article shows in details the work of Chinese seasonal workers in the Russian region, about different contacts between Russians and Chinese, about the peculiarities of Chinese settlers' mode of life... Sources used by the author are various and numerous.